

ПРОЩАНИЕ СО ЗНАМЕНЕМ

Вещи были собраны еще накануне, все необходимые дорожные документы лежали в грудном кармане гимнастерки рядом с красной партийной книжечкой. Теперь Джиоев сидел в тесном кругу боевых товарищей и, разговаривая с ними, так внимательно к ним присматривался, будто бы для него в каждом из них раскрывался целый неизведанный мир.

Было ли в поведении его друзей что-либо новое? Нет, он уже давно изучил все их привычки и особенности, но теперь они приобретали для него особое значение. Как и в предыдущие вечера, старшина много говорил о своей родной Осетии, об исхоженных в свое время кавказских дорогах, о заветной мечте вернуться в покосившуюся над кручей саклю, но думал, как это ни странно, не о том, что пришло наконец время сбыться его мечте, а о том, что завтра ему навсегда придется расстаться с этими, столь дорогими для него людьми.

Когда он рассказывал о знойном небе Кавказа, невольно вспоминал о крещенских ночах, проведенных вместе с сидевшими вокруг него друзьями под одной, заледевшей на морозе плащ-палаткой.

Близость разлуки подступала к горлу комом горечи. Вечерние сумерки сгущались. В казармах потухли огни. Пора уже было расставаться. Все встали. Поднялся с места

и Джюев. Воцарилось молчание. Каждый стоял, потупив взор, стараясь скрыть от товарищей вдруг навалившуюся на сердце тяжесть расставания. Первым гнетущую паузу нарушил старшина Цибуля.

— Конечно, — проговорил он, — привычка — дело большое. Ну да ничего... Дома новые друзья появятся. С нами-то ведь ты невзгоды за невзгодами переживал на войне, а с теми будет веселее. Заживешь новой жизнью и забудешь своих фронтовых приятелей.

— Нет, не забуду, — прервал его Джюев. — Никогда не забуду. Вот ты говоришь — невзгоды. Да, бед за время войны мы пережили много, но и радостей не меньше. Может быть, и наскучили каждому из нас фронтовые эпизоды, но об одном случае я вам все-таки расскажу.

— Дело было в небольшой деревушке Журава, — начал Джюев. — Весь день бушевала пурга. Снег шел такими хлопьями, что в ста метрах уже не было видно человека. Находясь в разведке, мы сбились с пути и въехали в расположение немцев. Глянув через триплекс, я увидел наставленные в упор на нашу машину стволы трех пушек. Хотел было сообщить об этом командиру танка, но тот уже крикнул механику-водителю:

— Коля, гусеницами их. Полный газ!

И через несколько мгновений под нашим танком заскрежетало железо. Не дав опомниться гитлеровцам, мы передавили все их пушки и, заручившись всеми необходимыми для нас сведениями, благополучно вернулись в подразделение.

Назавтра двинулись в наступление. Пурга все еще не унималась. Мы смяли засаду гитлеровцев, ворвались в село и обратили в бегство целый батальон вражеской пехоты. К вечеру деревня была полностью очищена от неприятеля. К нашей машине собралась вся рота. Нам пожимали руки и говорили: «Спасибо, хлопцы».

Но вот пурга утихла. Немцы темной массой двинулись в контратаку. И это бы ничего... Но в небе появилось более десятка юнкерсов, а в селе ни одной зенитки. В разных переплетках пришлось побывать. Друзья нас расхваливали за храбрость... И вот, пожалуйста, — все идет насмарку. Такая досада взяла меня, что волосы готов был рвать на себе. И вдруг — мысль: а что если из танка открыть огонь по стервятникам? Я уже было и рот раскрыл, чтобы сказать об этом, да спохватился. Засмеют, думаю, это ж только разоблачать себя, цель немцам указывать. Сел и молчу. Командир мой был легко ранен и лежал на боеукладке. А меня так и подмывает открыть огонь из пушки.

Взял предельный угол возвышения, открыл клин затвора и смотрю через канал ствола. Вот пошел в пике один самолет, за ним — другой, третий. Захлестнула меня злоба. Не помня себя, схватил шрапнельный снаряд, зарядил пушку, поймал в перекрестье прицела одного стервятника, выстрелил... И чтобы вы думали? Вспыхнул юнкерс, как свечка. Я еще два выстрела сделал. Моему примеру последовали и другие танковые экипажи. Таковую пальбу открыли мы по юнкерсам, что они удрать-то еле сумели, не то что пикировать.

Сколько же тут было радости, если бы вы только видели! До хрипоты кричали мы «Ура!» всем экипажем, и не потому, что сами живы остались — нам предстоял еще бой с наземной группой противника, и надежды на жизнь, прямо скажу, у нас почти не было, так как машина наша стояла на самом опасном месте. Но каждый из нас знал, что с наступающей на село пехотой и артиллерией врага рота справится, и мы радовались тому, что удалось все же отстоять обреченную уже было на гибель нашу маленькую победу, за которую благодарили нас товарищи.

Вот такой радости, которая сильнее страха перед смертью, в своей довоенной жизни я не испытывал, и друзей, с которыми мне довелось пережить подобные минуты, я, конечно, никогда не забуду. — Джигоев умолк.

Долго, может быть, просидели бы еще в раздумье воины, но горнист проиграл «отбой», и собеседники, поочередно пожав отъезжающему товарищу руку, разошлись по своим местам.

В полдень отъезжающим были устроены торжественные проводы. Командир подразделения объявил, что слово предоставляется демобилизованному старшине Джигоеву.

На трибуну вела небольшая пятиступенчатая лесенка. Но как сильно забилося сердце, когда старшина стал подниматься по этим ступенькам. Это было хорошее, вызванное тор-

жественностью минуты, волнение. Сейчас он должен был сказать товарищам свое прощальное слово. Речь была обдуманна заранее, но когда Джюев окинул взглядом строй аплодирующих ему гвардейцев, все придуманные слова вылетели из головы, захотелось сказать что-нибудь более простое и более душевное. И он сказал:

— Боевые друзья! Будьте все свидетелями моей последней солдатской клятвы. Буду не только помнить свою боевую семью и каждого

из вас в отдельности, но и посвящать вам все свои производственные успехи, все свои трудовые победы. С вами я завоевывал право на свое счастье, помня о вас, буду и строить его.

Гром рукоплесканий заглушил последние слова Джюева. Еще раз взглянув на строй знакомых ему воинов, старшина спустился с трибуны, чеканным шагом подошел к знамени, опустился на колени и крепко поцеловал краешек увенчанного тремя орденами гвардейского стяга.

